

55-летию Великой Победы посвящается

ВАСИЛИЙ Столяров, офицер политотдела, вспоминает: «Ползком по кювету пробирается девчонка, волочит за собой здоровенного солдата. — Смотрите, — показывая на нее, восхитился подполковник Курманов, — чём не муравей: сама с ного-

шой жертву, сам становится ею...

Я спрашиваю: как хватило сил?

— А знаете, я сама теперь удивляюсь. До этого я и курочку боялась заколоть. — Лиза задумалась, а потом добавила: — Да и теперь, наверное...

Генерал-лейтенант А. А. Дьяконов

ток, а взвалила на себя целого слона.

Да, муравей, фронтовой муравей Зина Иванова! Она лишь в тот день вынесла с поля боя более двадцати раненых.

Другая медсестра, Лиза Пасынкова, возвращалась на передний край в очредной обход. «Голубоглазая блондинка» (как ее звали бойцы) в березовой роще услышала стон. Под кустами увидела — наша сержант. Ранен в живот. Бледен как бумага. «Значит, много потерял крови», — подумала Лиза и стала оказывать первую помощь.

А из снарядной воронки за ней следит самурай. Стоило девушке приступить к перевязке, как тот кошкой бросился на свою жертву. Лиза мигом успела обернуться и подставить ствол автомата под клинок. Тот, со свистом вырвавшийся из рук японца, отлетел на несколько шагов. Прыжок — и клинок в девичьих руках. Еще секунда — и самурай, иска-

зии остались в моей памяти девушки в военной гимнастерке: Зина Иванова, Лиза Пасынкова, Мария Грибанова, Аня Симакова и другие».

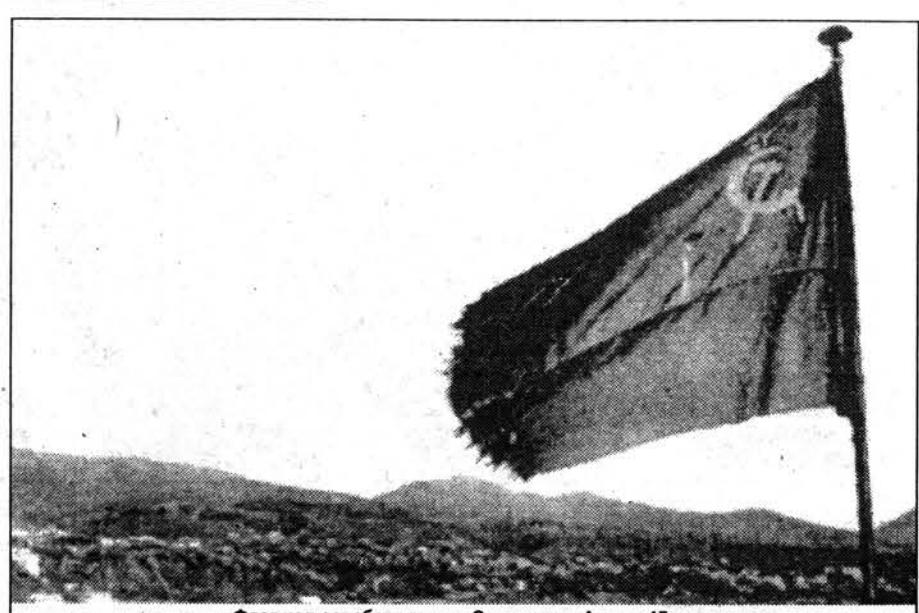
Наши войска подступили к главному узлу сопротивления — Харамитогскому укрепленному району, который японские самураи, подражая гитлеровцам, называли сахалинской «линей Зигфрида». И это был действительно «крепкий орешек». Он представлял собой комплекс камня, бетона, железа и огня более 30 забетонированных орудий, 42 крупнокалиберных пулеметов, 100 пулеметов и гранатометов, минных полей и противотанковых рвов, разбросанных на 12 км фронта и 16 км в глубину. Все эти огневые средства располагались на господствующих высотах в несколько ярусов, фланги упирались в непроходимые болота и крутые отроги Камышового хребта.

К тому времени отряд майора Трегубенко завершил глубокий обход левого фланга Харамитогского Ура. Двигался он по дре-

мучему лесу, усеянному огромными завалами от полусгнивших стволов деревьев, стараясь не привлекать внимания противника. Небольшой гарнизон японцев, встреченный на высоте Рыжая, был стремительно уничтожен взводом Потемкина и другими подразделениями майора Трегубенко.

На другой день отряд вышел на тропу, которая привела к опорному пункту в районе высоты Безымянная. Атака с ходу не удалась. В ночном бою японцы не выдержали и покинули опорный пункт. Противник спешно выдвигал резервы, чтобы вернуть опорный пункт. Майор Трегубенко сумел разгадать замысел противника и на пути выдвигавшейся японской роты устроил засаду. Японская рота была уничтожена.

Передовые подразделения 79-й стрелковой диви-

Флаг над освобожденным Сахалином. Август 45-го

Ю. ДЬЯКОНОВ

Глава четырнадцатая

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮЖНОГО САХАЛИНА

зии вышли к переднему краю Харамитогского Ура. Спустившаяся ночь была заполнена поисками разведчиков, уничтожением координат огневых точек противника. Летчики с земных НПУточняли объекты бомбардировок. В подразделениях первого эшелона готовились штурмовые группы. Подрывники уточняли подходы к вражеским дзотам.

С рассветом первой в бой вступила артиллерия. В воздух взлетели разбитые дзоты. Успешны были действия бомбардировочной авиации. Шаг за шагом подразделения продвигались вперед.

После полудня к нашему командованию прибыли японские парламентарии с белым флагом. Наше командование решило, во избежание ненужного кровопролития, согласиться на перемирие, направило делегацию. И вдруг, как гром среди ясного дня, над парламентерами с воем проносила снаряд, второй, третий. Огонь усилился, перемещаясь с криками «ура» и «банзай». Несмотря на успешные действия 79-й стрелковой дивизии и 255-й авиационной дивизии, японцы оказывали упорное сопротивление, переходили в контратаки. Они держали под обстрелом каждый вершок земли.

16 августа 165-й стрелковый полк под командованием Н. Д. Курманова вышел на линию основного рубежа Харамитогского Ура. С командиром танковой бригады подполковником Темиргалиевым, командиром танковой бригады подполковником Олениным были согласованы действия. Под прикрытием танков пехота пошла в атаку.

С белым флагом вышел японский парламентер. Командир дивизии Батуров приказал прекратить огонь. По условиям договоренности противник должен был сдаться в плен в 5 часов утра следующего дня. Свое обещание он не выполнил. В 5.35 на левом фланге возобновилась сильная перестрелка. Выяснилось, что сводная рота офицеров 125-го японского полка получила задачу прорвать

кольцо нашего окружения и вывести окруженные войска.

Перед ротой противника стоял один наш пулеметный взвод под командой лейтенанта Удовченко и героически удерживал позиции. Значительная часть взвода, в том числе сам Удовченко, пали смертью храбрых, но противника не пропустили.

Примерно к 7 часам 30 минутам японские солдаты и офицеры начали сдаваться в плен.

К исходу дня 18 августа советские воины, сломив ожесточенное сопротивление японцев и расчленив их оборону на две изолированные друг от друга группировки, овладели Харамитогским укрепленным районом. Остатки гарнизона численностью свыше трех тысяч солдат и офицеров сдались в плен.

24 августа авангардные части 56-го корпуса вступили в город Тойохара (ныне Южно-Сахалинск) и 25 августа войска 2-го Дальневосточного фронта закончили освобождение всей южной половины острова Сахалин от японских захватчиков.

В землянке командира взвода лейтенанта Уткина баянист сержант Рыков наигрывал новую походную песню: *На пути солдатском встали*

*Горы до небес,
Ураган свинца и стали,
Непролазный лес.
С нами в бой ходил Светецкий,
Брал Смирных Котон,
Бил японцев молодецки
Булыки Антон...*

Вскоре отец вызвал нас с мамой к себе. Десять дней поезд шел до Хабаровска. На станциях стояли столы на весь перрон. Из Хабаровска — самолетом в Александровск. На самом высоком месте города — «поместье» отца: бревенчатый дом, сарай, землянка охраны и шофера, по двору гуляет овчарка Акбар, на цепи — подаренные отцу охотниками медведята. Мама быстро освоила хозяйство: по двору стали гулять гуси, утки, куры, бегать цыплята, утятя, гусыни, индейки. Выйдя за пределы двора, я стал собирать ма-

лину. Очень понравился свист: «вхик», «вхик». Какая-то птичка? Только через пару секунд понял, что свистят пули, бросился на землю и ползком — домой: тут, оказывается, полигон. На другой день к морю — жара! Шагнул в Татарский пролив... и пулей вылетел на берег — вода-то ЛЕДЯНАЯ! Жарким летом!

Отец брал меня в свои инспекционные поездки. На севере острова — сани, запряженные оленями, тундра. Южнее — тайга. К югу — пустыня: почти все леса вырублены японцами. А сопки Сахалина — это чудо: полно зверья, голубики, черники, рододендрона, грибов... Остров сокровищ.

В землянке автомата на стене, самовар. На стене лозунг: «Сахалин — прекрасная планета: 12 месяцев зима, все остальное — лето, лето, лето...»

Учусь в самой лучшей школе — № 1, где директор Анна Васильевна Кудрявцева, депутат Верховного Совета СССР. В школу не пускят, если у тебя с собой нет мешочка со сменной обувью, если не в школьной форме, не в белой рубашечке. Если у тебя появилась тройка, а тем более двойка, то твое пребывание в школе заканчивается после еще одной плохой отметки.

Я люблю эту школу до сего дня! В первый раз, по просьбе отца, рыбаки меня взяли с собой на баркас с сетями. Удивительное это ощущение: кругом море, земли не видно, от борта, у которого сижу, до глади моря сантиметров двадцать. Баркас полон рыбы,

морских звезд, раковин, крабов. Мама варила огненно-красных крабов и мы пиршествовали: разрезали панцири ножницами и лакомились. А разве может быть что-либо вкуснее сахалинской корюшки, тем более, если ты видел, как ее коптят над тлеющими опилками в сарае?

Машина уносила нас от Александровска в аэропорт, мы переезжали на новую службу отца в Москву, а я плакал: так горько было расставаться с этим «островом сокровищ».

Откуда после освобождения Южного Сахалина присваивают очередное воинское звание «генерал-лейтенант» и награждают вторым орденом его любимого полководца Суворова.

Когда отец вернулся в Москву, генерал армии Максим Алексеевич Пуркаев посоветовал ему поступить в Высшую орденами Суворова первой степени Академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, которую отец окончил с отличием. Думаю, что отец с его талантом военачальника и боевым опытом мог сам преподавать в академии. В его дипломе были только отличные отметки.

